

ПО ПОВОДУ ПОСЛѢДНЕЙ ПОВѢСТИ ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО

«КАЗАКИ»

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «ВРЕМЕНИ»)

Лихорадочно-напряженное состояніе нашего общества всѣхъ выбиваетъ изъ колеи, въ особенности литераторовъ. Романисты пускаются въ полемику, публицисты пишутъ романы, историки — драмы, лирическіе поэты — статьи по хозяйственной части и очень можетъ быть, что экзекуторы скоро начнутъ стихи писать. Я не критикъ, но по желанію вашему пишу и посылаю къ вамъ критическія замѣтки по поводу только-что прочитанной мною повѣсти «Казакіи», соч. графа Л. Н. Толстого.

Кто не читалъ самой повѣсти, тотъ лучше сдѣлаетъ, если прочтетъ ее прежде чѣмъ станетъ читать письмо мое. Я не стану излагать содержаніе повѣсти и буду кратокъ по возможности; скажу вамъ тоже что сказалъ бы я и самому автору, еслибъ постарому увидѣлся съ нимъ и еслибъ онъ спросилъ моего мнѣнія.

Повѣсть «Казакіи», есть произведеніе замѣчательнаго художника и въ тоже время не есть художественное произведеніе.

Еслибы оно было таковымъ, я не рѣшился бы взять на себя случайную роль судьи его. До уровня съ великими произведеніями искусства могутъ подниматься только великіе критики.

Еслибъ оно было таковымъ, я пришолъ бы отъ него въ такой восторгъ, что ничего бы написать не былъ въ состояніи, да и самый восторгъ постарался бы скрыть отъ глазъ литературной братіи: никто не нашолъ бы въ немъ затаеннаго чувства патріотической гордости и никто бы не повѣрилъ его искренности, — до такой степени въ наши трудные дни потребность наслаждаться искусствами заглушена иными потребностями, которые вопіютъ, и требуютъ удовлетворенія.

Напрасно сталъ бы я увѣрять, что отъ наслажденій уметвен-

2337

ныхъ точно также плодятся идеи, какъ плодятся люди отъ наслажденій чувственныхъ.

Мнѣ на это скажутъ: мы и съ тѣми-то идеями, которыя кой-какъ добыли, не знаемъ куда дѣваться, какъ провести ихъ въ жизнь и проч., и проч.

Напрасно я сталъ бы возражать, что отъ частныхъ или индивидуальныхъ идей еще далеко до идеи общей, всепокоряющей и всепроникающей, но что безъ первыхъ не будетъ и послѣдней, какъ безъ мелкихъ ручьевъ, и стоковъ не образуется ни одной большой рѣки.

Что такое идеи! скажутъ мнѣ: — идеи добываются фактами, а не вашими искусствами. Но... произведеніе искусства тотъ же фактъ, точно такъ же какъ и всякое явленіе природы и точно такъ же достойно глубокаго изученія.

Когда новое явленіе природы поражаетъ естествоиспытателя, онъ наслаждается имъ или безсознательно какъ и всякій смертный, или сознательно, т.-е. изучаетъ его, находитъ ему мѣсто въ ряду другихъ явленій, старается понять значеніе его для науки или для общества... Онъ можетъ долго и добросовѣстно изучать его, но спорить съ нимъ не можетъ. Точно такое же отношеніе критика къ истинно-художественному поэтическому созданію: онъ можетъ изучать его, но спорить съ нимъ не можетъ.

Да и кого бы могъ онъ оспаривать! Если произведеніе принадлежитъ лирическому поэту, носитъ на себѣ печать его личности (субъективное произведеніе), то поэтъ уже не поэтъ, если можно его оспаривать; да и есть ли возможность оспаривать человѣка, который проницательно смѣется или горько плачетъ, если только вы вѣрите въ искренность его смѣха, въ непритворность слезъ его. Тѣмъ душевнымъ настроеніямъ, которыхъ печать лежитъ на лирической поэзіи, можно сочувствовать или не сочувствовать, можно покоряться или не покоряться ихъ магическому вліянію, но не спорить; если же это поэтъ объективный, романистъ, повѣствователь, драматургъ, вы будете вмѣстѣ дѣло съ его произведеніемъ, — до личности поэта вамъ и дѣла нѣтъ. Когда Гоголь напечаталъ свою переписку съ друзьями, съ нимъ можно было спорить, соглашаться и не соглашаться съ нимъ, но когда онъ напечаталъ свою повѣсть «Шинель», отъ нея повѣяло такою жизнью, такою правдой, что изучать можно, даже находить кой-какіе недостатки можно, но есть ли возможность спорить съ такимъ произведеніемъ, въ которомъ невидать самого производителя, съ такимъ производителемъ, котораго мысль стала живымъ и яснымъ фактомъ. Промелькни эта мысль помимо факта, и споръ возможенъ — ибо мысль о

жизни еще не жизнь, мысль о смерти — не смерть. Авторъ можетъ думать одно, читатель другое; онъ можетъ стоять на одной точкѣ зрѣнія, я на другой.

Графъ Л. Н. Толстой не лирикъ и не совершенно объективный писатель; что бы онъ ни писалъ, во всѣхъ его произведеніяхъ мелькаетъ его личность, выступаетъ собственная мысль его: такъ иногда онъ самъ себя мѣшаетъ, впутывая самого себя въ свои произведенія.

Когда я читалъ повѣсть его «Казакъ», когда передо мной раскрывалась великолѣпная картина Кавказа, казацкой станицы, домашнего и воинственно-служебнаго быта казаковъ, я не могъ не чувствовать, что изъ-за рамы этой картины выглядываетъ самъ художникъ и учить меня какъ понимать ее. Такъ стало-быть есть такія мѣста въ произведеніи, которыя сами по себѣ, безъ помощи художника, были бы неясны. Если есть — то картина не дорисована, не дописана и еще не имѣетъ права казаться вполне художественнымъ произведеніемъ, а если все само собой ясно, то к чему же подсказывать!

Наше время особенно богато литературными произведеніями, вызывающими на споръ.

Еслибъ произведеніе графа Л. Н. Толстого не дышало такою жизнью, не было такъ поразительно свѣжо, не заключало въ себѣ такъ много правды, словомъ не носило бы на себѣ печати сильнаго таланта, не стоило бы и спорить съ авторомъ.

Съ иными спорить трудно, потомучто поневолѣ вѣришь имъ, потомучто они стоятъ выше васъ и видятъ дальше васъ; съ иными трудно спорить, потомучто большинство стоитъ за нихъ: мысль ихъ нравится молодому поколѣнію. Съ иными легко, потомучто за нихъ меньшинство или болѣе или менѣе люди отсталые.

Трудность и легкость спора зависитъ также и отъ самаго произведенія. Жизнь, изображаемая авторомъ, стоитъ или за его убѣжденія или безпрестанно, помимо воли его, противорѣчить имъ.

Съ графомъ Л. Н. Толстымъ спорить и трудно, потомучто я увѣренъ, мысль его болѣе или менѣе гармонируетъ съ настроеніемъ нашего общества, и легко, потомучто въ его повѣсти сама жизнь безпрестанно споритъ съ авторомъ, противорѣчитъ его мысли, превращая ее въ какой-то парадоксъ, ничѣмъ необъясненный и ничѣмъ еще недоказанный.

Цивилизація не удовлетворяетъ насъ. Не поискать ли этого удовлетворенія въ простотѣ полудикой жизни, на лонѣ природы? вотъ задушевная мысль, проводимая авторомъ.

Она не нова. Пушкинъ проводилъ ту же мысль въ своей поэмѣ

«Цыгане», но Пушкинъ, какъ высокій художникъ, выбралъ изъ среды кочующаго племени такіе идеалы и личности, что сравнительно съ образованнымъ Алеко они кажутся и человѣчнѣе, и даже глубже его въ пониманіи человѣческаго сердца. Утомленному борьбой или скучающему въ бездѣйствіи юношѣ сладко примкнуть къ такой широко-вольной, безмятежной жизни. У Пушкина мысль не расходится съ тѣми образами, которые возникаютъ у васъ въ душѣ при чтеніи его произведенія. Графъ Л. Н. Толстой остался вѣрнѣе природѣ, людямъ и будничной жизни; онъ неспособенъ что-нибудь идеализировать и вывелъ на сцену далеко не такихъ людей, съ которыми легко на долго мириться человѣку сколько-нибудь развитому. Въ той средѣ, въ которую онъ переноситъ васъ вмѣстѣ съ своимъ героемъ, Оленинымъ, тѣже условія, тѣже мелкіе расчеты, тѣже награды за подвигъ. И не только читатель, самъ герой Оленинъ колеблется: — то при малѣйшемъ напоминаніи ему о московской жизни чувствуетъ, что на него пахнуло той гадостью, отъ которой онъ отрекся; то въ самой станицѣ (напримѣръ въ обществѣ казачекъ, на именинахъ у Устеньки) многое находитъ дотога пошлымъ и отвратительнымъ, что ему бѣжать хочется.

Повѣритъ ли послѣ этого читатель писъму Оленина, въ которомъ онъ пишетъ къ своимъ на родину. *«Вы не знаете что такое счастье, что такое жизнь! Надо испытать жизнь во всей ея безусловной красотѣ»* и пр. Что это: минутный порывъ или фраза? Ни то ни другое не заключаетъ въ себѣ силы, насъ убѣждающей, а между тѣмъ все что говоритъ Оленинъ, вся его жолчь и омерзеніе къ свѣту, къ полубразованной московской средѣ, до такой степени противорѣчитъ всей его московской жизни, всему тому что онъ чувствовалъ покидая эту жизнь, тому что самъ авторъ говоритъ о немъ въ началѣ повѣсти, что поневолѣ вообразишь, что за Оленина говоритъ самъ авторъ. Вѣдь могъ же авторъ сладить со всѣми остальными характерами, отчего же онъ не сладилъ только съ Оленинымъ? Не оттого ли, что онъ менѣе равнодушенъ къ нему, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ?..

У Пушкина Алеко — сильный характеръ, и читатель имѣетъ полную возможность подозрѣвать, отчего онъ не ужился съ обществомъ; у графа Толстого герой безъ всякой силы. Это маленькій себялюбецъ, скорѣе избалованный жизнью, чѣмъ огорченный ея противорѣчіями, маленькій Гамлетикъ, способный только на минутныя увлеченія. Отъ чего бы кажется ему бѣжать? Отъ самого себя? Но отъ себя убѣжать рѣшительно некуда. Куда ни приди, вездѣ будешь чужой. Авторъ, великій аналитикъ и тонкій психологъ, не довольно проникъ въ радости и страданія своего Оленина

и не дорисовалъ его. Онъ ниразу не отнесся къ нему съ провіей, ниразу не выдвинулъ на свѣтъ главную черту его характера. Это безпрестанный надзоръ его за собою ради страшнаго самолюбія и самообереганія; авторъ щадитъ его, какъ отецъ щадитъ ребенка, щадитъ, имѣя въ рукахъ своихъ тончайшее изъ орудій — анализъ.

Пушкинъ казнить своего Алеко; графъ Толстой также *хотѣлъ казнить* своего героя, но не договорилъ послѣдняго слова. Договорить его онъ бы не рѣшился, ибо повредилъ бы не только герою, но и къ собственной мысли своей сталъ бы въ противорѣчіе.

Еслибы Алеко ужился между идеальными пушкинскими цыганами, онъ могъ бы еще быть счастливъ; онъ самъ нарушилъ это счастье, самъ убилъ свою свободу нарушая свободу другихъ. Но что стало бы съ Оленинымъ, еслибъ онъ женился на казачкѣ Маріанѣ, какую роль сталъ бы онъ играть между казаками? Что бы сталъ дѣлать всю жизнь, еслибъ его не убили абреки? Ревновать къ женѣ, ходить на охоту или отъ скуки пьянствовать?

Авторъ хотѣлъ казнить героя своего за то только, что онъ не родился въ станицѣ, за то, что у него ничего съ казаками нѣтъ общаго, за то, что онъ не можетъ равнодушно убивать абрековъ, воровать ногайскихъ коней, лазить въ окошки къ дѣвкамъ и цѣловать ихъ не думая *что онъ и зачѣмъ онъ?* Словомъ авторъ казнить его не за какое-либо преступленіе противъ свободы, какъ казнить Пушкинъ своего Алеко, а просто за то только, что онъ развитѣе казаковъ. Но казня своего героя авторъ въ сущности спасаетъ его отъ той несвойственной ему животной жизни, которая бы досталась ему на долю, еслибъ онъ остался между казаками *мужемъ первобытной женщины*. Авторъ какъ кажется даже и не подозреваетъ, что холодность Маріаны спасла его Оленина.

Все что нашолъ Оленинъ истинно прекраснаго въ станицѣ, все это есть и въ средѣ образованной: красота есть; свободолюбивыя, никакихъ условій не признающія, безкорыстныя дѣвушки — есть; хорошія трудолюбивыя хозяйки, созидающія довольство — также есть. Людей ничего не признающихъ кромѣ страстей своихъ, людей непокоряющихся никакимъ свѣтскимъ условіямъ — также можно найти. Нашлись бы и такіе, которые никогда не гордились и не гордятся своимъ знакомствомъ съ аристократами и не чувствуютъ, подобно Оленину, ни малѣйшаго удовольствія, когда подходить къ нимъ на балѣ князь *Сергій* и говорить ласковыя рѣчи.

Оленинъ далеко не представитель лучшихъ людей нашего времени. Онъ челоѣкъ ясно отживающаго поколѣнія, нѣчто вродѣ

блѣднаго отраженія лучшихъ людей пушкинской эпохи. Наши передовые люди, вставая на все что есть ложно и гнило въ нашей цивилизаціи, не пойдутъ наслаждаться на лонѣ природы или искать отрады у дикихъ. Они лучше, подражая графу Льву Николаевичу Толстому, будутъ учить крестьянскихъ мальчиковъ, чѣмъ гоняться за какимъ-то счастьемъ въ всякой цивилизаціи.

Въ нашей цивилизаціи много гнили, потому что гниетъ въ ней все отживающее, все ненужное живому, общественному организму, все привитое и ему несвойственное; въ этомъ смыслѣ — чѣмъ больше гнили, тѣмъ лучше. Догнивающее отпадаетъ, замѣняясь новыми свѣжими элементами жизни. Мы навозъ, унаваживающій почву для другихъ поколѣній, — говорилъ когда-то Бѣлинскій, и не приходилъ отъ этого въ отчаянье. Онъ не бѣжалъ отъ гнили ради эгоистическаго самосохраненія, а врывался въ нее, нарушалъ покой ея, обдавая ее струями свѣжаго развѣдающаго воздуха, заставлялъ ее еще больше гнить, чтобъ все видѣли, что это гниль, и вѣроятно онъ гордился тѣмъ, что могъ на нее указывать, не меньше Лукашки, которому завидовали оттого, что ему удалось подстрѣлить Абрека.

Большая мысль человѣка, разбитаго жизнью, конечно очень искренно можетъ иногда пожелать той среды, гдѣ она надѣется на свое выздоровленіе, той среды, гдѣ по словамъ автора повѣсти — *люди живутъ какъ живетъ природа, умираютъ, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ*, той среды, гдѣ нѣтъ никакихъ условий, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву.

Но едвали такая жизнь дастъ полное успокоеніе разъ пробужденной, хоть и больной мысли. Живуча эта большая мысль! Если иногда и желаетъ она *бѣжать*, то развѣ потому только, что боится здоровой мысли, чувствуетъ, что не въ силахъ догнать ее и заодно съ нею дѣйствовать.

Въ ту жизнь, которую рисуетъ въ немногихъ словахъ графъ Л. Н. Толстой, и я бы охотно на время погрузился, для того, чтобы окрѣпнуть физически и опять воротиться на борьбу съ гнилью на сколько силъ хватитъ.

Я былъ также на Кавказѣ, также испыталъ на себѣ страсть къ полудикой женщинѣ, также наслаждался природой, и несмотря на это, — когда покидалъ Кавказъ, — писалъ съ искреннимъ одушевленіемъ:

И душа на просторъ вырывается
Изъ-подъ власти кавказскихъ громадъ.

Душу, къ битвамъ житейскимъ готовую,
Я за свѣжнѣйшій несущу перевалъ, и проч.

Я, какъ видите, не разбираю критически самой повѣсти, ни слова не сказалъ вамъ о лучшихъ сторонахъ ея, — ихъ оцѣнять всѣ, не только горячіе поклонники таланта Л. Н. Толстого, но и люди къ нему совершенно равнодушные. Красоты этого произведенія перевѣшиваютъ его недостатки; отъ всего рассказа вѣетъ кавказскимъ воздухомъ. Это неподдѣльный, неподкрашенный, неромантический Кавказъ, съ романтическими героями. Каждый штрихъ, рисующій тамошнюю природу, вѣренъ, а казаки? Лукашка, дядя Ерошка, хорушій! Да вы непременно ихъ сами встрѣчали, если только когда-нибудь ломали походы тамъ, гдѣ

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ...

или вы непременно ихъ встрѣтите, если туда поѣдете. Женскія лица также мастерски очерчены, въ особенности Маріана. Я какъ-то въ молодости самъ проѣзжалъ станицы и знакомился проѣздомъ съ казачками, и Маріаны и Устенки еще до-сихъ-поръ смутно мелькаютъ въ моемъ воображеніи. Ихъ образы стали для меня яснѣе послѣ прочтенія повѣсти Л. Н. Толстого.

Мнѣ остается сдѣлать одно или два замѣчанія, иначе я увлекусь, и начну хвалить повѣсть... изъ благодарности къ тому, кто волшебствомъ пера своего перенесъ меня на Кавказъ, и затронулъ мои воспоминанія

Что прошло, то стало мило.

Первое замѣчаніе. Лучшіе эпизоды повѣсти «Казаки», а именно тотъ, гдѣ казакъ Лукашка застрѣливаетъ ночью переплывающаго черезъ Терекъ абрека; тотъ, гдѣ является братъ убитаго за его тѣломъ, и тотъ, гдѣ наконецъ братъ этотъ является съ другими абреками мстить за смерть убитаго, погибаетъ и подстрѣливаетъ Лукашку — эти три эпизода составляютъ почти отдѣльную повѣсть; читая ихъ, забываешь и Оленина и всѣ остальные части. Эти эпизоды — повѣсть въ повѣсти. Такая сложность разбиваетъ, двойтъ вниманіе читателя.

Второе замѣчаніе. Авторъ не довольно выясняетъ враждебное отношеніе казаковъ ко всѣмъ, кто не казакъ. Откуда эта скрытая неприязнь даже къ своимъ защитникамъ? отъ религіозныхъ или иныхъ причинъ? Вообще, въ чемъ главная «суть» ихъ раскола, въ чемъ заключается та сила, которая связываетъ ихъ въ такое брат-

ство. Всего этого не видимъ изъ повѣсти, несмотря на то, что авторъ, обнаруживая наблюдательность и близкое знакомство съ тѣмъ краемъ, который взялся описывать, вдается въ длинныя, этнографическія, почти научныя подробности. Вообще весь рассказъ изобилуетъ тѣми мелочами, изъ которыхъ каждая сама по себѣ — прелесть, но совокупность которыхъ, какъ излишнее богатство, по временамъ утомляетъ нетерпѣливаго читателя.

Вотъ все что могу сказать вамъ поповоду новой повѣсти; все это мое личное мнѣніе. Кто докажетъ мнѣ, что я въ чемъ-нибудь ошибся, тому я мысленно скажу спасибо.

Я. ПОЛОНСКИЙ
